ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В СИСТЕМЕ ГЕРОИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Согласно теориям происхождения героического эпоса, основу эпоса образуют события исторического прошлого, в центре которых находится эпический герой, наделенный незаурядными способностями. В силу длительного бытования эпических произведений в устной форме появляются песни, объединенные одним эпическим героем. Подвиги различных исторических личностей переносятся на одного эпического героя, между героями устанавливаются новые генеалогические связи, и отдельные сказания постепенно объединяются в циклы [1, с. 25]. Герой «становится объединяющим центром, который связывает уже не персонажи, а различные сюжеты», – пишет А. В. Ковылин [1, с. 16]. Так, существуют не только циклы сказаний о Зигфриде, но и о Дитрихе Бернском, о Вольфдитрихе или Вальтере Аквитанском. Центральная фигура германского героического эпоса – «*der Held*» – герой или «*der Recke*» – воин, витязь. Как правило, герой появляется на свет чудесным образом, побеждает чудищ и великанов, становится неуязвимым, добывает невесту и героически погибает [2, с. 4]. Цель эпического героя – в героическом предназначении исполнить волю судьбы.

Иначе обстоит дело с женскими образами героического эпоса. Им вверено некое знание, провидение, уходящее своими корнями в глубокую древность. Ю. Н. Бучилина упоминает такие «ипостаси» женщины в героическом эпосе, как женщина-воительница, героиня-мстительница и женщина-защитница рода [3]. Следует учесть, что предложенная Ю. Н. Бучилиной классификация женских образов касается, скорее, героического эпоса периода раннего средневековья. Отличительной чертой данного периода была форма общественного строя – матриархат. Эпос последующих периодов тесно связан с культурно-историческими преобразованиями, а также со сменой общественного строя. Так, образы девы-воительницы, мстительницы или защитницы рода сменяет образ прекрасной дамы в куртуазном романе или сварливой жены – в шванках и фастнахтшпилях бюргерской литературы.

Рассматривая уникальный памятник эпического жанра «Песнь о Нибелунгах», мы должны учитывать представления как раннесредневекового мировоззрения, так и последующего периода. Мировоззрение автора эпоса начала XIII века имеет немаловажное значение. В то же время общепринятое мнение о Кримхильде как мстительнице и Брюнхильде как деве-воительнице

не является исчерпывающим. Все это указывает на значимость исследования женских образов «Песни о Нибелунгах» в системе героических образов.

Спектр женских образов «Песни о Нибелунгах» значительно уступает образам мужским. По ходу повествования мы встречаемся с Кримхильдой, ее матерью Утой, с матерью Зигфрида Зиглиндой, Брюнхильдой, с упоминанием покойной Гельхи, с супругой маркграфа Рюдигера Готелиндой и его дочерью, с многочисленными придворными дамами, а однажды и с вещими женами. На современном этапе исследований, посвященных «Песни о Нибелунгах», уже установленным фактом является ее историческая основа. Подтверждением тому выступает восхождение событий эпоса к героическому времени Великого переселения народов. Следовательно, не лишено смысла рассмотрение женских образов сквозь призму ипостасей женщины-воительницы, хранительницы рода и мстительницы, характерных для предшествующего «Песни о Нибелунгах» периода.

Действие эпоса вводится повествованием о Кримхильде и ее братьях: *«Три короля девицу / хранили от невзгод: // Достойный витязь Гунтер / и удалой Гернот, // Их самый младший Гизельхер, / отборный витязь тоже, // Князья пеклись все трое / об их сестре родной пригожей»* (4,1-4) [4, с. 141]. Автор упоминает и родителей славных героев: *«Их мать звалась Утой; / Данкрат их был отец. // Он сыновьям в наследство, / когда пришел конец, // Свои оставил земли. / Уж то-то витязь был! // Он в годы молодые / не мало дел свершил»* (7,1-4) [4, с. 142]. В то время как это лишь единичное упоминание отца бургундских королей, образ матери встречается часто, если принять во внимание тот факт, что Ута – героиня второго плана. Ута – хранительница рода в бургундском королевстве. Она, как представительница старшего поколения, наделена мудростью и тайным знанием. Накануне роковой гибели бургундских королей Уте является знамение в виде вещего сна. Так автор намекает на имеющий древние корни дар провидения. В своем сне Ута – фигура статичная; активной роли она не играет. Ее предназначение – увидеть знак в предзнаменовании. Как хранительница рода Ута предупреждает о грядущей опасности: *«И знатная тут Ута / сказала сыновьям: // “Вы, витязи лихие, / остаться б лучше вам: // Ночью сон нехороший / и страшный снился мне, // Что будто бы все птаство / повымерло в моей стране”»* (1509,1-4) [4, с. 323]. В ответ на это Хаген, стремясь опередить решение королей, бросает вызов судьбе: *«Тогда сказал ей Гаген: / “Кто прибегает к снам // И слушается, значит, / не понимает сам // Того вполне, как надо, / что честь ему велит. // Так пусть же господин мой / к двору за отпуском спешит”»* (1510) [4, с. 323]. Подобным образом поступает и Зигфрид, ведя речь с матерью о бургундах: *«Что плачете напрасно, / вы, матушка моя? // Без страха там пред всею / толпой бойцов предстану я»* (61,3-4) [4, с. 148]. Нидерландская королева – из другого времени, она лишена вещих снов. Автор наделяет ее печалью и смятением,

преднамеренно подчеркивая «иную природу» видения Зиглинды, которое сродни плохому предчувствию: *«И сильно затужила / о сыне молодом»* (51,2) [4, с. 147] или *«Уж как загоревала / о дитятке родном»* (60,2) [4, с. 148]. Несмотря на то, что и Ута, и Зиглинда наделены видением, изменить ход событий они не в силах. Здесь вступают другие силы: воля судьбы и предназначение.

Авансценой трагических сражений первой части является замок Брюнхильды Изенштейн. Словно ледяная глыба он беспощадно лишает жизни храбрых воинов. Причиной тому – условия сватовства к дева-воительнице Брюнхильде, восседавшей в Изенштейне. Воинам заведомо известно о неминуемой смерти в случае своего поражения. В то же время это не дает им основания отказаться от столь опасного приключения: *«Сказал король тут Гунтер: / “Извольте ж выбрать сами // Те игры, королева! / я, в чем угодно, с вами / Померяться желаю: / из-за красы такой / Иль сгину, иль мою / вы станете тогда женой”»* (427,1-4) [4, с. 190]. Но Брюнхильда, в отличие от Уты и Зиглинды, не ведунья. У нее другая функция. Она, не имеющая ни супруга, ни детей, не обладающая даром провидения, все же является хранительницей рода. Испытания женихов позволяют ей выбрать достойного супруга. Дева-воительница, обладательница сверхъестественной силы, Брюнхильда отдаст честь лишь сильнейшему из мужчин: *«...коль победит он, / мне быть его женой; // Но сгинуть вам придется, / когда в игре верх будет мой»* (423,3-4) [4, с. 189]. Это дева-воительница, способная в одиночку противостоять вторжению недостойного на ее территорию. Сраженная Зигфридом, *«тут стала не сильнее / она любой из жен»* (682,1) [4, с. 220]. Обманным путем *«супругой / она тут Гунтеровой стала»* (677,4) [4, с. 219]. Эти обстоятельства влекут за собой отмщение Брюнхильды своим обидчикам. Однако функция мстительницы в образе Брюнхильды немного ослаблена в произведении. Хаген вызывается отмстить Зигфриду за обман: *«Он за Брунхильды слезы / поплатится ужасно: // От Гагена ждать должен / он ныне всяких бед всечасно»* (873,3-4) [4, с. 243].

Иное дело мстительница Кримхильда. События эпоса вводятся повествованием о прекрасной деве, которая видит во сне заклеванного двумя орлами сокола. В силу своей юности Кримхильде сложно найти толкование своему сну. Мать объясняет его значение: *«Твой сокол – знатный витязь; / пусть Бог его хранит: // Из рук твоих твой сокол / на веки скоро улетит!»* (14,3-4) [4, с. 143], но предупреждает о неизбежности судьбы: *«...знай, быть тебе женой, // Уж если Богом послан / тебе твой витязь удалой»* (16,3-4) [4, с. 143]. Однако накануне гибели мужа Кримхильда снова видит сон, в котором способна распознать «дурной знак» и пытается остановить Зигфрида: *«Ночесь мне сон приснился / плохой: два кабана // Гнались за вами следом / по полю, в тот-же миг // Цветы вдруг покраснели...»* (921,2-4) [4, с. 249] и позже: *«Ночесь мне худо снилось: / вишь, будто на тебя // Вдруг*

две горы упали, / ты скрылся навсегда» (924,2-3) [4, с. 249]. Реакция Зигфрида очевидна: он даже не пытается найти другого смысла в предвещении. Напротив, это его задевает, и он спешит покинуть королевский двор: *«Затем, простившись с нею, / ушел он поскорей. // Его живым увидеть / уж больше не пришлось ей»* (925,3-4) [4, с. 249]. Трагедии не избежать. Иного не могло быть: для эпоса характерно предзнаменование, но не предотвращение трагической развязки. Автор заведомо многократно указывает на трагический исход событий, что служит подтверждением предопределенности бытия эпических героев. Несмотря на то, что Кримхильду страшит смерть Зигфрида, сам он не испытывает подобных чувств.

Ипостась Кримхильды как мстительницы настолько превалирует во второй части эпоса, что не представляется возможным описывать ее ипостаси воительницы и хранительницы рода. Если в первой части она нуждается в совете матери, то во второй части эпоса она уже не испытывает такой необходимости. Свои роковые решения она принимает самостоятельно: *«Все думала царица: / “Дай, попрошу царя”, // Пусть он исполнит просьбу / ея, чтобы родня // Ея могла в край гуннский / приехать. Хоть бы кто // Подумал, что на сердце / таит она совсем не то»* (1399,1-4) [4, с. 309]. Она слепо ведома своей мстостью; чувства Кримхильды остаются нетронутыми в момент убийства сына и при виде отрубленной головы родного брата. Мсть затмевает ей разум и превращает ее в дьяволицу. Она могла бы стать хранительницей рода, но со смертью Зигфрида жизнь теряет всякий смысл. Вместе с тем собственная смерть является для Кримхильды неожиданной: *«Пред Гильдебрандом то-то / она затрепетала; // Какой в том прок, что страшно / она при этом закричала. // И вот, теперь все пали, / кому уж рок судил. // В куски воитель старый / царицу изрубил»* (2376,3-4–2377,1-2) [4, с. 437].

Большинство героев достойно принимают волю судьбы. Лишь ненадолго смятение поселяется в сердце Рюдигера. Он больше озадачен не самой грядущей гибелью, а долгом чести. Рюдигер – это выходец из современного автору эпоса общества. В данном контексте интересен образ супруги Рюдигера как представительницы совершенно иного мировоззрения, отличного от предшествующих героинь. Ни намек на ведунью, мстительницу или воительницу. Готелинда также, как и ее дочь, олицетворяет собой истинно придворную даму. Они с почестями встречают Кримхильду, причем юная королева обещает ей верно служить: *«“А то, я верно знаю, / что батюшка мой сам // Меня к вам в землю гуннов / рад всей душой послать!” // Как предана ей дева, / Кримхильда тут могла узнать»* (13262-4) [4, с. 301]. Готелинда лишена видений, но испытывает страх и боязнь, как когда-то Зиглинда, мать Зигфрида. Во многих случаях автор эпоса упоминает Рюдигера как мужа Готелинды, тем самым словно

подчеркивая ее возможную роль как хранительницы рода. В то же время Готелинда не обладает всеми теми качествами, характерными для женских образов из далекого прошлого. А тот факт, что она вместе с Рюдигером вскакивает на коня, мчась впереди своего мужа, лишь подчеркивает отдаленное родство Готелинды с Энитой Г. фон Ауэ. Как и Энита, она скорее придворная дама.

В определенный момент качествами придворной дамы наделена и Кримхильда. Соответствующим образом она ведет себя при встрече гостей и сборах в дорогу. Придворные жены, окружающие Кримхильду, придают ей особый колорит современной дамы. Хотя во второй части эпоса имеются лишь намеки на ее происхождение. Так, в момент сватовства Этцеля упоминается «знатность царевны» [4, с. 279]. Кроткая и прекрасная дева осталась в прошлом. Со вступлением во второй брак Кримхильда претендует на роль хранительницы рода. Однако ее ипостась мстительницы настолько сильна, что губит на корню ее материнские и сестринские чувства. Разрубив Хагена, Кримхильда примеряет на себя ипостась воительницы. Воинственная мстительница, несостоявшаяся хранительница рода названная «дьяволицей», тем самым дополняет ипостаси женских образов крайним проявлением древней сущности. От коварного плана она переходит к решительным действиям, в которых раскрывает свою внутреннюю природу. Она не пытается скрывать своих намерений и это отсылает к аналогии с Брюнхильдой или с вещими женами, которые, имея древнюю природу, наделены отсутствием страха. Так, например, одна из вещей жен предрекает гибель Хагену и его спутникам, несмотря на суровый нрав бургундского вассала. Также не пугают Брюнхильду храбрые мужи, вступающие с ней в состязания. Такова и природа Кримхильды в заключительной сцене «Песни о Нибелунгах».

Литература

1. Ковылин, А. В. Русская народная баллада: происхождение и развитие жанра / А. В. Ковылин. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – 180 с.
2. Жирмунский, В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса / В. М. Жирмунский. – М.: АН СССР, 1958. – 145 с.
3. Бучилина, Ю. Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции / Ю. Н. Бучилина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 5. – С. 299–303.
4. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М. И. Кудряшев. – СПб.: Типография Лебедева Н. А., 1889. – 440 с.